

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Киселев С.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: stak0607@list.ru

КОЧЕВОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО ПОЛУОСТРОВА КАНИН И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI в.)

Рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся традиционного природопользования кочевников полуострова Канин (Европейский Север России). Хронологически исследование охватывает два периода: 1920-е гг. и первая четверть XXI в. Анализируются основные компоненты кочевого оленеводства региона. Делаются выводы, что кочевое хозяйство Канина в первой трети XX в. было представлено в промысловом, оленеводческо-промысловом и крупностадном типах, а также об увеличении в первой четверти XXI в. роли оленеводства и о снижении степени натуральности кочевой экономики.

Ключевые слова: Европейский Север России, полуостров Канин, XX век, ненцы, коми-ижемцы, традиционное природопользование, кочевая экономика.

Введение

Полуостров Канин остается одним из наименее изученных регионов Европейского Севера России. Во многом эта ситуация обусловлена его отдаленностью от крупных административных центров и крайней труднодоступностью. Территория Канинского полуострова входит в состав Ненецкого автономного округа (далее — НАО) и граничит с юга с бассейном р. Мезень. Практически целиком пространство полуострова занимает Канинская тундра, переходящая на юго-востоке в Тиманскую тундру и сменяемая лесотундровой зоной на юго-западе в бассейнах рек Мезени и Пезы. В административном отношении полуостров Канин совпадает с территорией современного муниципального образования «Канинский сельсовет».

Канинская тундра считается крайним западным районом массового расселения ненцев. Основными отраслями хозяйства канинских ненцев (как и ненцев других групп) являются оленеводство, охота и рыболовство. Помимо ненцев в Канинской тундре в настоящее время проживают коми-ижемцы и русские.

Как было сказано выше, полуостров Канин — до сих пор мало исследованный в этнографическом отношении регион. Первые описания полуострова составлялись в XVIII–XIX вв. путешественниками, географами, чиновниками и миссионерами. Во второй половине XIX — начале XX в. изучение региона продолжилось. К этому периоду относятся работа А.С. Савельева [1849], А.А. Борисова [2012], Б.М. Житкова [1904], С. Керцелли [1910] и др. Существенный вклад в изучение региона в XX в. внесли работы Л. Гейденрейха [1930], Л.В. Хомич [1966] и В.И. Васильева [1977]. Важным источником по изучению полуострова являются также периодические издания, на страницах которых можно найти публикации, посвященные кочевому населению Канина. Это прежде всего журнал «Северное хозяйство» (1923–1936), а также «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (1909–1917).

Основные источники работы:

- материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг., первичными материалы которой частично сохранились в Государственном архиве Архангельской области (для первой трети XX в.);
- данные полевых исследований автора на полуострове Канин (2007, 2015) и других территориях Ненецкого автономного округа (2015, 2016) (для первой трети XXI в.);
- материалы кандидатской диссертации автора, защищенной в 2018 г. по теме «Традиционная экономика кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX века и в начале XXI века» [Киселев, 2018].

В работе использованы историко-сравнительный (сопоставление особенностей хозяйства ненцев и коми-ижемцев в первой трети XX и первой трети XXI в.), историко-системный (анализ хозяйства кочевых народов как единой системы, включающей оленеводство и другие промыслы) и структурно-типологический (характеристики и границы распространения типов хозяйства) методы.

Актуальность настоящего исследования продиктована тем, что регионы Крайнего Севера представляют собой территории, характеризующиеся, с одной стороны, активным промышленным освоением, а с другой — стремлением к сохранению традиционной культуры и природопользования коренных народов. В связи с этим перед государством и обществом встают две во многом противоречащие друг другу задачи. Во-первых, необходимо сохранить этнокультурное своеобразие коренных народов Севера, а во-вторых — интегрировать их в современную экономическую, социальную и культурную действительность. Поэтому изучение традиционных хозяйственных занятий коренных малочисленных народов актуально как в историко-этнографическом разрезе, так и в плане анализа современной ситуации.

Целью данной работы является исследование хозяйства кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX в. и тех изменений, которые произошли в нем в первой четверти XXI в.

Задачи исследования заключаются в ответах на следующие вопросы:

1. Каковы характеристики основных видов традиционного хозяйства кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX в.

2. Какую роль оленеводство, охота и рыболовство играли в системе жизнеобеспечения кочевников в указанный период.

3. Какие изменения в хозяйстве кочевников полуострова Канин произошли в первой трети XXI в.

Основными типами хозяйства кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX в. являлись: промысловый; оленеводческо-промысловый; крупностадный оленеводческий. Каждый из этих типов, как будет показано далее, не имел выраженной этнической специфики, включая как ненецкие, так и коми-ижемские хозяйства. Качественная оценка хозяйств разных типов проводилась в литературе, посвященной данной тематике [Гейденрейх, 1930; Сапрыгин, Синельников, 1926; и др.], однако практически отсутствуют работы, в которых бы рассматривались детальные характеристики типов кочевого хозяйства региона. Исключением является коллективная монография «Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере (Архангельская губерния и автономная область Коми)» [2010], которая посвящена анализу итогов соответствующей переписи на полуострове Канин.

Основные характеристики типов хозяйства кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX в.

При определении границ распространения типов хозяйства кочевого населения региона в первой трети XX века в литературе [Гейденрейх, 1930; Сапрыгин, Синельников, 1926] традиционно использовался целый ряд критериев, включая численность поголовья, состав стада, пространственную организацию кочевания, характеристику объемов и путей сбыта продукции.

Численность поголовья. В научной литературе кочевые хозяйства региона традиционно группируются по количеству оленей, которыми владела семья. Действительно, именно от размера стада, а соответственно от степени занятости членов семьи в оленеводстве зависело распространение и роль других промыслов: пушной и мясной охоты, рыболовства и т.д. В итоге создававшееся соотношение основных занятий формировало «каркас» экономики хозяйства, который в свою очередь определял направление и маршруты кочевания, характер сбыта продукции и другие важнейшие характеристики ненецких и коми-ижемских хозяйств полуострова.

Всего, по данным Приполярной переписи, количество оленей, выпасавшихся на полуострове Канин, составляло 20 623 головы, из которых 5947 оленей принадлежало промысловикам (29 % от всей численности поголовья региона), 9910 голов — оленеводческо-промысловым (48 %) и 4766 голов — крупностадным хозяйствам (23 %) (составлено по: [ГААО. Ф. 187, оп. 1, д. 891]). В приведенных выше цифрах обращает на себя внимание тот факт, что промысловикам, которые составляют 3/5 всего населения полуострова, принадлежало меньше трети, а крупностадным хозяйствам, которые составляли лишь 6 % кочевого населения, — почти четверть всего оленьего поголовья региона.

Динамика изменения численности оленьего поголовья на севере Архангельской области характеризовалась тем, что, несмотря на высокий годовой приплод, оно демонстрировало достаточно низкий итоговый прирост. Суммарно по тундрам Архангельской области показатель прироста составлял примерно 17 % от общего поголовья [Тундры..., 1924, с. 30]. По Канинско-Тиманской волости этот показатель был еще ниже. Основной причиной небольшого суммарного прироста наряду с плановым забоем являлся большой процент смертности оленей из-за бескормицы, болезней и потрав дикими зверями.

Если рассматривать динамику численности стад по группам хозяйств региона, то можно отметить следующие тенденции: минимальный размер приплода составил 20 % от численности стада. Далее с увеличением количества *важенок* (самка северного оленя), приходившихся на одного самца, увеличивался размер приплода, который доходил до 60 %. Однако параллельно с этим происходило и увеличение процента потерь по отношению к общему размеру приплода. Этот показатель по отдельным группам колебался от 10 до 60 % в наиболее крупных хозяйствах. Также между мелкими и крупными хозяйствами обнаруживалась разница в том, какие причины оказывали наибольшее влияние на уменьшение поголовья. Основными негативными факторами для местного оленеводства были: 1) допуск до спаривания слишком молодых самцов и отсутствие своевременной выбраковки старых *важенок*, что приводило к измельчанию породы (мелкие хозяйства); 2) недостатки традиционной формы кастрации, когда у самца перекусывался семенной канал, но при этом олень инстинктов не терял и крыл *важенок* вхолостую, что увеличивало количество яловых *важенок* (все группы хозяйств); 3) использование в упряжке беременных *важенок* из-за недостаточного количества ездовых оленей, что приводило к проблемам с плодом и к уменьшению делового выхода телят (мелкие хозяйства); 4) большой процент гибели новорожденных телят от диких зверей (крупные хозяйства); 5) много оленей гибло во время поздней весны с заморозками, когда земля под снегом покрывалась льдом, что усложняло доступ к корму (все группы хозяйств); 6) при раннем наступлении весны и задержках в пути много оленей гибло при переправах во время разлива рек (в большей степени крупные хозяйства) [В тундрах..., 1927, с. 85].

В целом в Канинской тундре на середину 1920-х гг. было 168 кочевых хозяйств, из которых 147 ненецких, 20 ижемских и 1 русский чум. Количество оленей у ненцев достигало 75 % от всего поголовья региона. Ижемцы владели примерно 25 % оленей, а количество оленей, принадлежащих русским кочевым хозяйствам, было очень небольшим, составляя менее 1 % от общей численности поголовья Канинской тундры (составлено по: [ГААО. Ф. 187, оп. 1, д. 857]).

Если попытаться распределить группы чумов по степени зажиточности, опираясь на показатель «прожиточного минимума» в 150 голов [Гейденрейх, 1930], то получится, что бедными хозяйствами можно считать 77 чумов (52,3 %), средними — 57 чумов (38,8 %), а зажиточными — 13 чумов (8,8 %). То есть по владению оленями к бедным слоям населения можно было отнести около 80 % ненцев, к средним — 15 %, а к крупным — всего 5 % чумов. Такие цифры свидетельствуют прежде всего о том, что в середине 1920-х гг. оленеводство на полуострове было преимущественно мелкостадным, а большинство хозяйств зависело также от доходов, получаемых от других видов деятельности (рыболовство, охота и т.д.). Такой характер оленеводства не являлся исключением в контексте всего севера Европейской части России: в Архангельской области 70 % оленеводов владели стадами в 150 голов и менее [ГААО. Ф. 760, оп. 1, д. 58, л. 145].

Важно учитывать, что в регионе в рассматриваемый период говорить о существовании этнически обусловленных традиций оленеводства достаточно сложно. Прежде всего, это связано со сложностью идентификации оленеводов в этническом плане, так как, к примеру, распространенным явлением была запись оленеводов-коми ненцами, чтобы избежать выселения с полуострова, как представителей некоренного народа. Частые смешанные браки также не способствовали четкому отделению ненцев и коми друг от друга. Более того, анализ поселенных бланков Приполярной переписи 1926/27 гг. в целом не демонстрирует существования какой-либо четко выраженной этнической специфики в оленеводстве. Этнические отличия могли стираться под давлением естественных условий и экономической ориентации того или иного хозяйства.

Состав стада. Важным индикатором типа хозяйства было процентное соотношение *быков* (кастрированных самцов оленя) и *важенок* в стаде. У зажиточных кочевников, практиковавших товарное оленеводство, основной упор делался на увеличение количества *важенок*, что позволяло увеличить товарный выход телят и соответственно повысить прибыль от продажи шкур и мяса. В случае мелких, преимущественно промысловых хозяйств целью разведения оленей было обеспечение транспортом для интенсивного ведения промыслов, что приводило к увеличению доли *быков* в стаде [В тундрах..., 1927, с. 29].

Кроме количества *важенок*, в структуре стада хозяйств различных типов существовали также другие отличия: 1) большая доля телят была сосредоточена в стадах крупных оленеводов, что напрямую обуславливалась большей ориентированностью этих семей на получение продукции оленеводства (мясо и т.д.); 2) меньшее количество хоров-производителей в промысловых и оленеводческо-промысловых хозяйствах может объясняться тем, что часть этих стад в период спаривания выпасалась в составе крупных хозяйств, чьи хоры и покрывали чужих *важенок*. Это по-

зволюло менее зажиточным оленеводам не держать в стаде хоров, а кастрировать их, переводя в группу ездовых быков; 3) количество ездовых быков в стаде было напрямую связано с тем, какую роль в хозяйстве семьи играли промыслы — чем меньше было стадо и чем выше зависимость от промыслов, тем больше была доля ездовых быков. Указанные закономерности были характерны также для всего Европейского Севера России. Самая высокая доля ездовых быков, по данным Приполярной переписи, была зафиксирована в Нижне-Печерской волости (около 40 %), далее идет Канинско-Тиманская волость (около 35 %), острова Северного Ледовитого океана (около 25 %), а наименьшая доля — в автономной области Коми (около 20 %) [Клоков, 2010, 226]. Эти цифры коррелируются с показателями среднего размера поголовья: именно данные по автономной области Коми показывали наибольший размер поголовья в среднем на одно кочевое хозяйство.

Пространственная организация оленеводства. Принципы пространственной организации оленеводческого хозяйства на полуострове Канин в первой трети XX в. в силу природно-географических (сужение полуострова в средней части) и хозяйственно-экономических факторов имели классический меридиональный характер: зиму кочевые ненцы и коми-ижемцы проводили в зоне северной тайги, а с весны начинали быстрое движение на север, располагаясь на летовки в тундрах северной части полуострова (карта-схема пространственной организации оленеводства на полуострове Канин см.: [Клоков, 2010, с. 221]).

По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., основные районы зимовок оленеводов полуострова Канин располагались в лесотундре — 25 хозяйств (бассейны рек Несь, Чеша, Вижас, Ома) и в зоне северной тайги — 52 хозяйства (бассейны рек Кулой, Сояна, Койда, Семжа, Мезень, Пеца) (составлено по: [Клоков, 2010, с. 221]). Летние пастбища промыслово-ориентированных хозяйств располагались в средней части полуострова (в районе губы Восточная Камбальница и Шомоховских сопок), где оленеводы занимались промысловым ловом рыбы. Крупностадные хозяйства двигались дальше на север и останавливались на *летовки* (район летних пастбищ) в северной части полуострова.

В целом, отличия в специфике кочевания диктовались хозяйственной ориентацией семей — оленеводческо-ориентированные группы доходили до побережья Баренцева моря, а промысловые группы оставались на летовки южнее, в средней части полуострова Канин, что в том и другом случае было продиктовано требованиями, связанными с хозяйственной ориентацией семей. Как было сказано выше, хозяйства, ориентировавшиеся на оленеводство, уходили дальше на север, чтобы продлить весенний период, когда олени питаются молодой зеленой растительностью. Промысловые хозяйства, в свою очередь, выбирали места летовок в районе северо-западного побережья Чешской губы, где располагались наиболее продуктивные места лова рыбы.

Характер кочевания по группам оленеводческих хозяйств Канина выглядел следующим образом (составлено по: [ГААО. Ф. 187, оп. 1, д. 891]). Промысловики-кочевники полуострова Канин могли осуществлять свою хозяйственную деятельность несколькими способами: 1) безоленные ненцы и коми-ижемцы в 1920-х гг. уже перешли на полуседлый образ жизни. В течение всего года они жили в одном районе, подходя зимой ближе к населенным пунктам региона, а летом смещаясь в сторону от них для активного занятия промыслами (преимущественно рыболовством); 2) малооленные хозяйства часто могли вести самостоятельное кочевание, маршрут которого был относительно небольшим и привязывался летом к местам промыслов, а зимой — к населенным пунктам, куда оленеводы подходили для сбыта продукции и закупки продовольствия; 3) малооленные хозяйства могли кооперироваться друг с другом, осуществляя зимой кочевание самостоятельно, а летом объединяя стада. При этом часть оленеводов уходила кочевать со стадом, а остальные находились в районе крупных рек, занимаясь промыслами.

Так, безоленные группы (в том числе группы с минимальным количеством оленей) фиксировались во время проведения Приполярной переписи в двух районах: оз. Несское — р. Несь — с. Несь, а также вокруг д. Пинега. Они находились здесь в течении всего года, осуществляя лишь незначительные перемещения. Малооленные хозяйства проводили уже более длительные кочевания. В летний период они двигались чаще всего в направлении губы Восточная Камбальница и р. Губистая. Там же оставалась и промысловая часть кооперированных оленеводческих семей, а остальные уходили дальше на север, осуществляя хозяйственную деятельность в летний период как хозяйства оленеводческо-промыслового типа. Небольшой размер стада позволял кочевникам в летний период долгое время оставаться в одном районе, окормливая пастбища вокруг мест промыслов. Это способствовало выбору пастбищ не по их качеству, а по принципу близости к местам промыслов. Именно из-за этого маршруты кочевания были

короткими и фактически превращались лишь в пути транспортировки, например, продукции рыболовства осенью на продажу в деревни региона.

Оленеводческо-промысловый тип хозяйства представлял собой наиболее разносторонний вид экономики, когда семьи оленеводов совмещали занятия оленеводством с различными промыслами (охота, рыболовство, извоз и т.д.). Следовательно, выбор маршрутов кочевания этой группой был продиктован необходимостью учесть нужды всех важнейших видов деятельности. В связи с этим районы летовок оленеводов-промысловиков располагались в средней части полуострова Канин (например, по течению р. Шомокши и вокруг Шомоховских сопок), т.е. в тех районах, которые, с одной стороны, не испытывая значительного антропогенного воздействия, имели неплохие пастбища, а с другой — предоставляли возможности для ведения рыболовства и охоты. Особенностью крупностадного типа хозяйства была ориентация на оленеводство, что заставляло зажиточных оленеводов искать места летних кочевий в северной части полуострова, где существовали богатые пастбища, не испытывавшие воздействия со стороны других оленеводческих групп из-за большой удаленности от «зимовок». Наиболее востребованными районами летовок были северо-западное (низовья р. Торна, мыс Канин Нос), северное (устье р. Крынки) и северо-восточное (мыс Никулкин Нос) побережья полуострова Канин. Здесь же кочевали и объединенные стада тех оленеводов, часть из которых оставалась с оленями, а часть занимались рыболовством в более южных районах. Исходя из сказанного выше можно выделить три основных района летовок населения региона: южная часть (промысловые), средняя (оленеводческо-промысловые) и северная (крупностадные хозяйства).

Кооперация кочевых хозяйств и оседлого населения региона. Значительное влияние на кочевую экономику региона оказывала кооперация между оленеводами и оседлым населением. Одной из форм такой кооперации был выпас оленей, принадлежащих оседлому населению, в составе стад кочевников. Общее количество такого поголовья на середину 1920-х гг. составляло 3209 голов оленей [ГААО. Ф. 760, оп. 1, д. 6, л. 156]. Олени ими использовались исключительно как ездовые животные, и преимущественно с середины осени до середины весны, после чего их отдавали оленеводам, начинавшим кочевание на север. В среднем же по Несской волости на один двор приходилось примерно 22 оленя, а доля оленей в поголовье скота оседлого населения составляла примерно 57 % [Витюгов, 1923, с. 11]. Сложившаяся система оленеводства обеспечивала постоянное воспроизведение тесной кооперации между оседлым и кочевым населением региона. Однако, несмотря на такую достаточно высокую роль оленеводства в середине 1920-х гг., за первую четверть XX в. наблюдалась отрицательная динамика изменения количества оленей, принадлежавших русскому оседлому населению. Основными «партнерами» русского населения, кому сдавались олени на выпас, были крупные оленеводы, которым незначительное увеличение стад не добавляло сложностей при выпасе. Плата обычно была натуральной — за выпас давали оленей и шкуры. Например, за каждые 25–50 голов оленей на выпасе в год давали одного оленя и несколько *постелей* (шкура оленя). Кроме русских, оленей на выпас отдавали и оседлые ижемцы.

Сбыт продукции оленеводства. Кроме важности оленеводства в обеспечении (мясо и шкуры) самих кочевых хозяйств следует отметить также, что оно являлось одним из основных источников доходов для кочевого населения, поступавших от продажи оленеводческой продукции. Главными предметами сбыта являлись *постели* (оленьи шкуры), *пыжики* (телячьи шкуры) и оленье мясо [А.Л., 1924, с. 54] (преимущественно это «задки» и языки, на которые в первой четверти XX в. наблюдался устойчивый спрос на рынке). В меньшем объеме сбывались *камысы* (шкура с нижней части ноги оленя) и лбы, а также сухожилия оленей, рога и копыта [В тундрах..., 1924, с. 54]. Кроме этого, доход извлекался от продажи живых оленей. Однако, судя по данным об объеме дохода, полученного от такого сбыта [Гейденрейх, 1930, с. 42], осуществлялся он лишь в исключительных случаях и не имел сколько-нибудь серьезного значения в структуре доходов оленеводов. Объемы сбыта продукции кочевыми оленеводами напрямую зависели от размера стада и типа хозяйства. Так, с увеличением количества оленей сбыт продукции оленеводства играл все большую роль в структуре доходов кочевых хозяйств, и в целом степень товарности оленеводства напрямую зависела от количества оленей в стаде. Например, только 15 % хозяйств промысловиков занималось сбытом оленеводческой продукции, а среди крупных оленеводов такой процент возрастал до 70 [Сапрыгин, Синельников, 1926, с. 71].

Сам сбыт осуществлялся двумя способами: осенью продукцию сбывали в деревнях местному населению и в кооперативы; летом в тундру приезжали агенты-скупщики и уже сами закупали това-

ры по более низким ценам [А.Л., 1924, с. 55–56]. Этому пытались противодействовать местные власти, организуя пароходные рейсы в летний период вдоль побережья тундр, централизованно скупая продукцию кочевников. Также существовали отличия в путях сбыта отдельных видов продукции: 1) шкуры пыжиков практически в полном объеме сбывались в кооперативы, а доход от их продажи составлял основную долю денежных поступлений для большинства хозяйств; 2) мясо реализовывали преимущественно оседлому населению в притундровых деревнях и рыбопромышленникам на местах промысла: например, в устье р. Губистой и на побережье губы Восточная Камбальница; 3) *камысы* и лбы сбывали непосредственно населению региона. Вместе с тем, характеризую степень капитализированности оленеводческой экономики полуострова Канин первой трети XX в., нужно отметить, что она во многом имела натуральный характер, а большую часть сбыта обеспечивало небольшое количество крупных хозяйств, из чего следует, что мелкооленные хозяйства в первой трети XX в. имели практически полностью натуральную экономику.

Говоря об оленеводстве региона в первой трети XX в., необходимо учитывать не только хозяйственно-экономические, но и демографические характеристики, оказывающие серьезное влияние на формирование особенностей природопользования региона.

Демографические характеристики кочевых семей. Всего на полуострове Канин в середине 1920-х гг. было 136 кочевых хозяйств, которые относились к промысловому типу, т.е. 71 % от общего количества всех семей кочевников. В свою очередь, к оленеводческо-промысловому типу относилось 49 хозяйств (26 %), а к крупностадному — 6 хозяйств (3 %). Процент промысловиков по отношению к остальным оленеводам снижался, если вместо количества семей учитывать общее число человек, входящих в хозяйства того или иного типа экономики. В хозяйства промыслового типа входило 592 чел. (61 % от всего населения полуострова Канин в этот период), в оленеводческо-промысловые — 328 (34 %) и в крупностадные хозяйства — 55 чел. (6 %) (составлено по: [Гейденрейх, 1930]). Общее количество кочевых хозяйств региона, указанное Л. Гейденрейхом (по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг.), составляло 191 ед. — показатель более точный по сравнению с более ранними данными. Причиной такого несоответствия в показателях являлось то, что количественный состав семей промысловиков часто был значительно меньше по сравнению с семьями остальных оленеводов. В среднем этот показатель для первой группы хозяйств составлял около 4 чел. на одну семью, для второй — 7, а для третьей — 8 чел. на одну семью. Можно высказать предположение, что промысловый тип экономики в ряде хозяйств не существовал стабильно, а представлял собой лишь следствие особого положения семьи, которая могла быть, например, недавно образованной, а следовательно, экономически еще не окрепшей.

Таким образом, общее состояние оленеводства на полуострове Канин в первой трети XX в. демонстрировало разделение хозяйств по экономическому признаку на промысловые, оленеводческо-промысловые и крупностадные. В то же время, говоря о типологии кочевого хозяйства, нужно учитывать, что кочевое оленеводческо-промысловое население рассматриваемого региона представляло собой некоторый континуум, в котором четкой границы между типами не было: один тип постепенно переходил в другой [Клоков, 2010, с. 219]. Основным отличием внутри этого континуума было различие между собственно оленеводческим хозяйством, производящим товарную оленеводческую продукцию, и охотничье-промысловым хозяйством с подсобным транспортным оленеводством.

Трансформации в организации оленеводства региона в XX в. В начале 1930-х гг. произошла реорганизация оленеводства в регионе, что коренным образом повлияло на хозяйственно-экономические характеристики кочевого оленеводства. Так, был образован колхоз «Канин» с центром в с. Несь. Начало его фактической деятельности относится к 1 апреля 1930 г., а устав был принят 5 июня 1930 г. [АОАА НАО. Ф. 8, оп. 1, д. 13, л. 101, 114]. В 1929 г. в Канинской тундре был образован промысловый колхоз «Ненец», в который вошли 4 хозяйства, а в августе 1935 г. хозяйство распавшегося колхоза вошли в товарищество «Октябрь» [Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 83–86]. 22 октября 1934 г. в Канинской тундре было образовано 4 новых товарищества: «Тато» («Искра»), «Виль-Туй» («Новая дорога»), «Октябрь», «Виль-Олем» («Новая жизнь») [Там же. Ф. 83, оп. 1, д. 40, л. 27–29; Ф. 151, оп. 1, д. 4, л. 73–75]. В 1936 г. на Канине было образовано еще 3 товарищества: «Нарьяна-Ханяна» (15 хозяйств), «Нарьяна-Вындер» (14 хозяйств) и «Кий» (13 хозяйств). Всего на 1 января 1937 г. в Канинской тундре было объединено 103 хозяйства из 232 [Там же. Ф. 151, оп. 1, д. 24, л. 30]. В 1939 г. ТСВО (Товарищество по совместному выпасу оленей) «Ким» и «Нарьяна-Вындер» объединились в один колхоз, которому дали название «им. Чкалова». В нем, как и в

образованных ранее артелях произошло объединение оленьих стад. Также в 1939 г. было проведено объединение артелей «Выльолем» и «Октябрь» в один колхоз, которому вначале дали название «Октябрь», а потом он был переименован в колхоз «им. Ленина». В том же году подобное объединение провели товарищества «Тато» и «Выль-Туй» — новый колхоз получил название «Северный полюс» [Там же. Ф. 151, оп. 1, д. 76, л. 193–196, 212–218]. После ряда преобразований, в 1960 г. на общем собрании колхозников было принято решение об объединении колхозов «Красный промышленник», «Канин», «им. Ленина», «Северный полюс» в один колхоз «Северный полюс» [Там же. Ф. 226, оп. 1, д. 11, л. 23], который, в свою очередь, в 1990-х гг. был преобразован в сельскохозяйственный производственный кооператив (далее — СПК) «Канин». Также сейчас в регионе осуществляет свою деятельность СПК «Восход» с центром в с. Ома, чьи пастбища располагаются вдоль западного берега Чешской губы.

Оленеводство на полуострове Канин в первой четверти XXI в.

В первой четверти XXI в. оленеводство региона полностью сосредоточено в рамках СПК. Возможности развития других форм хозяйства ограничены тем, что вся территория полуострова находится в долгосрочной аренде у СПК и распределена в виде сезонных пастбищ между оленеводческими бригадами. Частное оленеводство существует только в гибридной форме, когда личные олени выпасаются в составе колхозных стад. Типовая форма организации хозяйства в СПК «Канин» выглядит следующим образом. Зимние пастбища расположены в северной части Мезенского района возле деревень Сояна, Кулой, Совполье, Долгощелье. В это время оленеводы совершают незначительные перекочевки с тяготением к населенным пунктам, где они регулярно осуществляют закупки продовольствия. Учитывая, что к старости оленеводы обычно уходят жить в деревни, частым явлением в зимний период становится гостевание в течение 2–3 дней у родителей и родственников в деревне. Вся хозяйственная деятельность зимой сосредоточена вокруг оленеводства — охота и рыбная ловля в это время не имеют серьезного значения, что определяет специфику ежедневного рациона кочевых семей, который преимущественно состоит из покупных продуктов (макарон, круп, масла, чая, хлеба) с добавлением оленины.

Весна и осень — время интенсивного кочевания. Маршруты движения четко распределены, что особенно важно для центральной, наиболее узкой части полуострова, где любые нарушения и «заходы» на чужие территории могут привести к нехватке корма для оленей других бригад. Особое значение это имеет весной, когда основной рацион питания оленей состоит из молодой растительности. Весной с учетом частых перекочевок и потери оленями убойного веса в рационе питания оленеводов даже в большей степени, чем зимой, преобладают покупные продукты. В свою очередь, осенью основой рациона становится оленина, так как запасы покупных продуктов к тому времени практически заканчиваются, а олень к осени набирает максимум упитанности.

Летние пастбища бригад СПК «Канин» расположены в северной части полуострова в районе устьев рек Месна, Торна, Крынка и др. Так же как и зимой, интенсивность перекочевок летом существенно ниже по сравнению с весенне-осенним периодом, что позволяет большее внимание уделять промыслам. Интересно, что значение рыболовства в настоящее время снизилось даже как элемента самообеспечения — более важное место в рационе занимает добытая на охоте птица. Причем на промысел регулярно выезжает все мужское население стойбища (включая детей с 11–12 лет), не занятое на выпасе. То есть летний период характеризуется преобладанием в структуре питания птицы, рыбы, покупной продукции, и только эпизодически в ней присутствует оленина. Таким образом, по признаку преобладания той или иной продукции можно заключить, что покупные продукты играют определяющую роль зимой и весной, добытая птица и рыба — летом, а оленина осенью, что указывает на трансформацию традиционного натурального уклада экономики кочевого населения Канина [ПМА, 2007].

В первой четверти XXI в. характер кочевания канинских оленеводов, сохранив в целом свой меридиональный характер, претерпел некоторые изменения, связанные с преобразованиями в оленеводческой отрасли (концентрация оленеводства в рамках СПК «Канин» и «Восход»): исчезновение малооленных групп хозяйств, которые кочевали на протяжении всего года в северо-таежной и лесотундровой зоне к югу от полуострова Канин; более протяженный и единообразный маршрут календарного маршрута, при котором все бригады летом выходят на побережье Баренцева моря в северной части полуострова, что продиктовано задачами развития оленеводства в рамках СПК и, в свою очередь, оказывает влияние на уменьшение значения рыболовства и охоты.

В конце XX — первой четверти XXI в. численность поголовья оленей на полуострове в среднем была сопоставимой с показателями середины 1920-х гг. После резкого сокращения в

начале 1990-х гг., когда из-за общего экономического кризиса количество оленей уменьшилось до 25 тыс., произошел рост поголовья, которое к 2007 г. достигло численности в 31 тыс. голов (около 13 тыс. общественных и около 18 тыс. частных оленей, выпасавшихся в составе общинных стад) [ПМА, 2007], после чего количество оленей стабилизировалось. Так, по официальным данным, опубликованным в постановлении губернатора Ненецкого автономного округа, общественное поголовье в СПК «Канин» на 01.01.2012 насчитывало 13 100 голов оленей [Об утверждении..., 2015]. В 2014 г. эти показатели также практически не изменились.

В отношении ситуации с численностью оленьего поголовья по группам кочевых хозяйств на полуострове Канин в первой четверти XXI в. необходимо отметить, что сравнение современных показателей с данными Приполярной переписи 1926–1927 гг. вряд ли корректно. Принципы организации современного оленеводства (плановое регулирование оленьих стад, наличие расчетных показателей поголовья, выплата зарплат оленеводам и пр.) ведут к относительной однородности социально-экономических характеристик отрасли: примерно равные размеры стад каждой бригады, схожий по объему размер частного поголовья для каждой семьи и пр.

Данные по составу общественного поголовья СПК «Канин» также не всегда коррелируются с закономерностями, выявленными в оленеводческом хозяйстве региона по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.: показатели не демонстрируют прямую зависимость хозяйственной ориентации хозяйств от соотношения быков и важенок. Так, по состоянию на начало 2015 г. общественное поголовье СПК «Инди́га» (с. Инди́га, НАО) составляло 9879 оленей, из которых: важенок — 5059, самцов — 1506 (из них хоров — 634, быков — 872) [Справка... «Инди́га», 2015]. Соотношение количества важенок и количества самцов здесь составляет 3 к 1, что, однако, не отменяет общего оленеводческо-ориентированного типа экономики СПК «Инди́га». Для сравнения, по состоянию на начало 2010 г. общественное поголовье СПК «Колгуев» (о. Колгуев, НАО) составляло 6668 оленей, из которых: важенок — 4347, самцов (хоров и быков) — 269 [Справка... «Колгуев», 2010]. Соотношение важенок и самцов составляет 16 к 1, что в целом соответствует оленеводческому типу хозяйства по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. То есть, несмотря на схожий тип экономики, СПК «Инди́га» и «Колгуев» отличаются между собой по этому показателю. Одной из причин таких несоответствий может быть то, что целью оленеводческих предприятий не является наращивание поголовья — оно должно соответствовать расчетным показателям в связи с оленеемкостью пастбищ, а, следовательно, в ряде случаев в увеличении количества важенок, несмотря на общий оленеводческий тип хозяйства, нет необходимости.

Интересны также данные по частному поголовью оленеводов о. Колгуев по состоянию на 2011 г. По данным корального просчета частного поголовья СПК «Колгуев» на 01.01.2011, всего размер частного поголовья составлял 970 оленей, из которых важенок — 509, самцов (хоров и быков) — 98 [ПМА, 2016]. Соотношение количества важенок и количества самцов составляет 5 к 1. Этот показатель свидетельствует, что стратегия частного оленеводства заключается в поддержании баланса между промыслово-ориентированными и оленеводческо-ориентированными устремлениями — такой баланс позволяет активно использовать оленей для ведения промыслов и вместе с этим поддерживать численность поголовья (или даже наращивать его при небольших объемах забоя).

В конце XX — первой четверти XXI в. по сравнению с первой третью XX в. изменились принципы кооперации и формы взаимодействия оседлого и кочевого населения, что, однако, не отменяет значимости экономических связей между этими группами населения для региона в целом. В настоящее время как на Европейском Севере России, так и на северо-западе Сибири исчезла практика выпаса оленей, принадлежащих русскому оседлому населению, в составе стад кочевников. Развитие и доступность различных средств передвижения привели к исчезновению мотивации для содержания ездовых оленей. Вместе с тем кооперация между оседлым и кочевым населением в отношении выпаса оленей сохраняется. Однако теперь это касается взаимодействия тундровиков и оседлых ненцев и коми. Жители поселков также могут владеть оленями, которые выпасаются в составе стад их родственников в тундре. При этом характер экономических взаимоотношений (наличие или отсутствие платы за выпас) между ними в каждом отдельном случае зависит от степени родства и других факторов [ПМА, 2007].

Среди основных видов сбываемой продукции можно отметить: 1) окостеневшие рога. Сбором рогов, сброшенных оленями, занимаются практически все кочевые хозяйства, после чего рога скупает СПК; 2) панты (молодые рога оленя). Спилыванием пантов на полуострове занимается сравнительно небольшое количество хозяйств. Причина небольшой популярности реа-

лизации пантов заключается в том, что после спиливания есть вероятность того, что в рану попадет инфекция, и это может привести к смерти оленя. Продаются панты также в СПК; 3) олени шкуры. Их сбыт осуществляется лишь эпизодически оседлому населению притундровых деревень. Если в прошлом жители таких деревень закупают олени шкуры для изготовления одежды, то в настоящее время одежда практически повсеместно покупная, что сужает области применения такой продукции. В свою очередь, СПК из-за ограниченности спроса также практически не закупает олени шкуры; 4) оленье мясо. Непосредственная реализация засоленного мяса оседлому населению также практикуется лишь эпизодически. Причина заключается в том, что оленеводы предпочитают сдавать мясо личных оленей непосредственно в СПК во время общего забоя: закупочные цены на мясо относительно высокие и нет необходимости в заготовке и транспортировке продукции к месту сбыта [ПМА, 2007]. В свою очередь, из-за падения спроса в настоящее время оленеводы практически не продают пушнину, а сбыт пойманной рыбы значительно сократился, что ведет к снижению роли промыслов в хозяйстве ненцев и коми-ижемцев региона. В первой четверти XXI в. продукцию в основном сдают в СПК «Канин» или «Восход», где работают оленеводы. Сбыт продукции в поселках существенно снизился, а основными видами сбываемых товаров являются мясо и рога.

Важным обстоятельством, характеризующим современный облик экономики канинских ненцев и коми-ижемцев, является то, что концентрация оленеводства в рамках сельскохозяйственных предприятий привела к значительным изменениям в системе жизнеобеспечения и в целом в образе жизни кочевых семей. Фактически каждый оленевод в настоящее время является наемным работником, получающим заработную плату и различные пособия. Такие выплаты формируют весомую часть бюджета кочевых семей, что обуславливает трансформации¹ в традиционном «натуральном» укладе кочевой экономики. В структуре энергопотребления¹ оленеводов Канина в первой четверти XXI в. продукция оленеводства имеет определяющее значение. Роль рыболовства и собирательства незначительна, а охота на птицу — единственное сравнительно значимое занятие в структуре жизнеобеспечения оленеводов. Любопытно, что для структуры энергопотребления кочевников региона характерна существенная степень дефицита (подробнее об этом: [Киселев, 2019, с. 179–181]). Такой дефицит означает, что пищевая продукция, полученная от основных занятий (олeneводство, охота, рыболовство, собирательство), удовлетворяет пищевые (энергетические) потребности семьи не полностью. Восполняется нехватка за счет продажи олениного мяса через СПК, поступления денежных средств от заработной платы, пособий и пр. В целом это обстоятельство говорит о том, что кочевая экономика региона полностью перестала иметь натуральный характер, а оленеводы зависят от поступления внешних доходов.

Таким образом, в первой трети XX в. кочевое хозяйство ненцев и коми-ижемцев существовало в рамках трех типов: промысловом (ориентация на охоту и рыболовство), оленеводческо-промысловом (комплексное развитие оленеводства и промыслов) и крупностадным (преобладание оленеводства). Ориентация хозяйств накладывала отпечаток на все характеристики системы жизнеобеспечения (протяженность и направление кочевания, размер и состав стад, размер сбыта товаров и пр.). В первой трети XXI в. облик экономики кочевников полуострова Канин в значительной степени изменился. Сосредоточение всей отрасли в рамках оленеводческих предприятий привело к формированию единого типа кочевого оленеводства на всем полуострове и схождения его основных характеристик. Специфика кочевой экономики региона в настоящее время выражается прежде всего в преобладании оленеводства в структуре основных занятий и в значительном снижении роли других занятий в системе жизнеобеспечения населения региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов А.А. У самоедов: От Пинеги до Карского моря. М.: Нобель пресс, 2012. 180 с.
В тундрах и на островах СЛО // Северное хозяйство. 1927. № 1–2. С. 77–85.
Васильев В.И., Гейденрейх Л. Тундра Канинская. М.: Мысль, 1977. 224 с.
Витюгов А.А. Оленеводство // Северное хозяйство. 1923. № 5. С. 5–16.
Гейденрейх Л. Канинская тундра. Архангельск: Северный краевой отдел, 1930. 83 с.
Житков Б.М. По Канинской тундре // Записки РГО. СПб., 1904. № 1. 124 с.

¹ Использована методика расчета энергопотребления, предложенная И.И. Крупником в работе «Арктическая этноэкология» [1989].

Керцелли С. Архангельские тундры // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 23. С. 1–9.

Клоков К.Б. Основные группы населения и типы природопользования на севере Архангельской губернии и автономной области Коми в 1920-е годы // Приполярная перепись 1926–27 на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми. СПб.: МПСС, 2010. С. 216–236.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Приполярная перепись 1926/27 г. на Европейском Севере (Архангельская губерния и автономная область Коми) / Отв. ред. Клоков К.Б., Зайкер Дж.П. СПб.: МультиПроектСистемСервис, 2010. 512 с.

Савельев А.С. Полуостров Канин // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1849. Ч. XXVII. С. 385–386.

Сапрыгин Н., Синельников М. Самоеды Канинской и Тиманской тундр // Северное хозяйство. 1926. № 2–3. С. 60–79.

Тундры Архангельской губернии и Автономной Республики Коми (Зырян). Архангельск: Центр. тип, 1924. 74 с.

Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 327 с.

ИСТОЧНИКИ

А.Л. Торговля в тундрах // Северное хозяйство. 1924. № 11. С. 54–59.

АОАА НАО (Архивный отдел Аппарата Администрации Ненецкого автономного округа). Ф. 1. Оп. 1. Д. 79; Ф. 8. Оп. 1. Д. 13; Ф. 83. Оп. 1. Д. 40; Ф. 151. Оп. 1. Д. 4, 24, 76; Ф. 226. Оп. 1. Д. 11.

ГАО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 187. Оп. 1. Д. 857, 760, 891; Ф. 760. Оп. 1. Д. 6, 58.

Киселев С.Б. Традиционная экономика кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX века и в начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

Об утверждении схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории Ненецкого автономного округа: Постановление губернатора Ненецкого автономного округа № 41-пг от 13 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/429000837> (дата обращения 14.03.2017).

ПМА. Полевые исследования на полуострове Канин (Ненецкий автономный округ). Июль 2007; Полевые исследования в пос. Бугрино (о-в Колгуев, НАО). 2016.

Справка о движении поголовья оленей СПК «Колгуев» за 2010 г.

Справка о движении поголовья оленей за первое полугодие 2015 г. СПК «Индига».

Kiselev S.B.

Saint-Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7-9, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: stak0607@list.ru

Nomadic reindeer herding of the Kanin Peninsula and its transformations (the first third of the 20th century — first quarter of the 21st century)

The territory of the Kanin Peninsula is a part of Nenets Autonomous District (the north of European Russia), and it borders on the south with the Mezen River basin. The Kanin Tundra occupies almost the entire area of the peninsula. The Kanin Peninsula is the most western region of traditional inhabitation of the Nenets and Izhma Komi ethnic groups. Historically, the nomadic economy of local reindeer herders was based on combination of reindeer husbandry, hunting and fishing. In this paper, different types of nomadic reindeer herding in the region in the first third of the 20th century and transformations currently occurring in the traditional economy are analyzed. The main research sources are represented by the materials of the Circumpolar Census of 1926/27 and materials of the author's field studies. In the paper, principal components of nomadic reindeer herding in the region were studied, such as herd size and composition, migrations routes etc. Moreover, the factors determining specifics of the economic structure of the Nenets and Izhma Komi groups are analyzed, namely, the nature of interactions between the nomadic and sedentary populations of the region and the degree of orientation toward the "market" of nomadic economies. Characteristics of three basic types of the nomadic economy (hunting-and-fishing, mixed, and large herding) are given. The economic focus of households was determining the content of all elements of the traditional lifestyle. In the early 1930s, collectivization began in the region, and the nomadic reindeer husbandry started developing within collective and state farms; there existed nomadic reindeer herding. This circumstance greatly affected the nomadic economy of the region. In the early 1990s, collective and state farms were transformed into agricultural cooperatives. Comparing the nomadic economy of the two selected periods, it is concluded that the role of the reindeer husbandry in the occupational structure of the Nenets and Izhma Komi groups is currently increasing due to concentration of the industry within cooperatives. At the same time, the role of other occupations (hunting and fishing) is decreasing along with the loss of the natural foundations of the nomadic economy.

Keywords: European North of Russia, Kanin Peninsula, XX century, Nenets, Komi-Izhemtsy, traditional economy, nomadic reindeer herding.

REFERENCES

- Borisov, A.A. (2012). *Among samoyeds: From Pinega to Kara sea*. Moscow: Nobel Press. (Rus.).
- Hejdenrejh, L. (1930). *Kanin tundra*. Arkhangelsk: Severnyj kraevoj otdel. (Rus.).
- Kercelli, S. (1910). Arkhangelsk tundra. *News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North*, (23), 1–9. (Rus.).
- Khomich, L.V. (1966). *Nenets: Historical and ethnographic essays*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Klovov, K.B. (2010). The main population groups and nature management types in the north of the Arkhangelsk province and the Komi Autonomous Region in the 1920s. In: *Pripolyarnaya perepis' 1926–27 na Evropejskom Severe. Arhangel'skaya guberniya i avtonomnaya oblast' Komi*. St. Petersburg: MPSS, 216–233. (Rus.).
- Klovov, K.B., Ziker, J.P. (Ed.). (2010). *The Polar Census of 1926/27 in the Russia's European North (Arhangel'sk Gubernna and Komi Autonomous Oblast')*. St. Petersburg: MPSS. (Rus.).
- Krupnik, I.I. (1989). *Arctic ethnoecology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Saprygin, N., Sinel'nikov, M. (1926). Samoedy of the Kanine and Timan tundra. *Severnoe hozyajstvo*, (2–3), 60–79. (Rus.).
- Saveliev, A.S. (1849). Kanin Peninsula. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*, (27), 385–386. (Rus.).
- Vasiliev, V.I., Hejdenrejh, L. (1977). *Tundra Kaninskaya*. Moscow: Mysl. (Rus.).
- Vityugov, A.A. (1923). Reindeer husbandry. *Severnoe hozyajstvo*, (5), 5–16. (Rus.).
- Zhitkov, B.M. (1904). Along the Kanin tundra. *Notes of the Russian Geographical Society*, (1). (Rus.).

Киселев С.Б., <https://orcid.org/0000-0003-1712-7035>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.03.2022

Article is published: 15.06.2022